

Моей матери

Я стремилась описать все события, о которых пойдет речь в этой книге, основываясь либо на личных переживаниях и наблюдениях, либо на рассказах родителей и других людей. При любой возможности я старалась найти им независимое подтверждение, но допускаю, что в моем изложении они не всегда могут быть такими, какими их помнят другие. В отдельных случаях я изменила имена, чтобы защитить людей или не обидеть их. Любые ошибки — моя собственная погрешность.

ПРОЛОГ

В день похорон моего отца у меня почва ускользала из-под ног. Земля уже повернулась вокруг своей оси, а я еще не сдвинулась с места.

Я была обезображена скорбью и глубоко беременна. Мне было тогда двадцать шесть лет, и от рождения моего второго ребенка меня отделяло меньше месяца. Я смотрела, как отцовский гроб вносили в церковь в Риме. Его похороны были первыми в моей жизни. Мысль о том, что мой отец покоится в деревянном ящике, лишала меня остатков и без того шаткого присутствия духа.

Вцепившись в церковную скамью, я бросила взгляд на свою мать Бруну, неподвижно сидевшую рядом со мной; ее большие карие глаза были скрыты под огромными темными очками. Она выглядела настолько потерянной в своей безутешности, что ей было не до меня. Я чувствовала себя сиротой — и не первый раз.

Дело в том, что они с папой всегда жили в своем собственном особом мире — задолго до того, как я вошла в него. В пятидесятые годы, с первых же дней этой запретной любви, их отношения были глубоки, а узы — крепки. Я стала неожиданным плодом большой любви, и по воле отца мне пришлось родиться в чужой стране, чтобы избежать огласки.

Альдо Гуччи, творец и мечтатель, лицо знаменитого модного дома, не терпел возражений. Бизнесмен-новатор, человек с невероятным драйвом, он превратил небольшую флорентийскую мастерскую по производству сумок и чемоданов, принадлежавшую его отцу, в бренд мирового уровня, который стал воплощением итальянского шика.

Я была свидетельницей катастрофических событий, повлекших крушение семейного достояния, которое он изо всех сил пытался сохранить.

Последние пять лет его жизни напоминали мне трагедию Короля Лира: череда предательств вынудила отца продать бизнес и, в конечном счете, свела в могилу.

Однако никогда я не была склонна осуждать или жалеть отца. Он был просто самым красивым папой, с неизменной улыбкой на лице, окутанный шлейфом любимого одеколона. Он врвался в нашу с мамой жизнь, чтобы вскоре снова стремительно унести прочь, словно экзотическая птица. Худощавый, гибкий и неуемный, своей энергией и смехом он оживлял наше застывшее, безмолвное существование и вносил в него немного хаоса. Ни на кого не похожий, он был человечным, ранимым и глубоко несчастным. И пусть мы виделись не часто и не подолгу, именно он был той скрепой, что удерживала нашу семью.

Теперь он покинул нас, и нам предстояло выдержать его похороны: не только часовую церковную панихиду, но и тягостный трехчасовой путь к склепу Гуччи, находящемуся за пределами Флоренции. Этот бесконечно долгий день должен был стать финалом нескольких трудных недель. Мама, папа и я — все мы скрывались от посторонних глаз в частной ка-

толической клинике в ожидании исхода, но никто из нас не хотел верить в его неизбежность.

Вокруг бесшумно сновали монахини. Моя мать находилась по одну сторону его кровати, а я сидела по другую. Мы были хранительницами тайн и стражами его истины — две женщины, познавшие истинного Альдо Гуччи и любившие его наперекор всему.

В тот самый миг, когда мой женатый отец впервые встретился взглядом с прекрасной Бруной, продавщицей в его римском магазине, он потерял голову — и отдал ей свое сердце. Застенчивой 18-летней девушке предстояло стать ориентиром и компасом для моего отца, по которому он выверял свой путь на протяжении всей оставшейся жизни. В те три десятилетия, когда он метался по всему миру, создавая свою империю, «доктор Гуччи», как его часто называли, всегда тайно возвращался именно к ней, Бруне, в поисках опоры и прибежища. И эта женщина держала его руку, когда он умирал.

Юная красавица, чью внешность сравнивали с прославленными итальянскими кинозвездами того времени, заплатила немалую цену за свою тайную жизнь, скрытую от людских глаз. Как следствие, скрывали и мое существование. Будучи замкнутым ребенком, которому пришлось взрослеть не по дням, а по часам, я лишь удивлялась сумрачному, печальному затворничеству матери и ее замкнутости — она оберегала их с отцом святилище и не впускала меня туда.

В январе 1990 года, в утро его похорон в Кьеза ди Санта-Кьяра, что на северо-западной окраине Рима, похоже, их примечательную историю уже никто не помнил. Шофер моего отца, Франко, молча привез нас к этой современной церкви со стенами цвета терракоты. Влившись в скорбящую толпу, мы в замешательстве поднялись по широким каменным ступеням. Нам указали на места, отведенные сотрудникам компании и деловым партнерам, которые стеклись сюда

со всего мира, чтобы отдать дань уважения прославленному патриарху Гуччи.

Через проход от нас сидела официальная жена моего отца, Олвен, которую поддерживали три моих сводных брата — Джорджо, Паоло и Роберто. Об их существовании я даже не догадывалась до 10-летнего возраста.

Никогда прежде две отцовские семьи не встречались под одной крышей. Атмосфера была ледяная.

Я также впервые в жизни увидела их мать. Если я вообще когда-либо о ней думала, то представляла ее элегантною пожилой англичанкой с гордой осанкой, в костюме и жемчугах. А она оказалась морщинистой маленькой старушкой в инвалидном кресле. Физическая и умственная хрупкость этой женщины, которой тогда уже исполнился семьдесят один год, потрясла меня. Моя мать, окаменевшая в своей скорби, казалось, вообще ее не замечала.

Мы не стали обращать внимание на подчеркнутую отчужденность первой семьи отца. Наша позиция всегда была такой. В то горькое утро единственное, что я могла сделать в этом неприветливом месте, — поглаживать своего еще не рожденного ребенка и гадать, как мы выживем в этих семейных штормах без покровительства моего отца. Прошло меньше недели со дня его кончины, и хотя моя мать по-прежнему каждую ночь видела его во сне, мы обе чувствовали себя брошенными на произвол судьбы.

Внимательный к формальностям, папа уладил все свои дела задолго до того, как впал в фатальную кому. Он организовал собственные похороны и отдал последние распоряжения своим самым преданным сотрудникам. Это должна была быть простая панихида без цветов и с минимумом речей.

Желая воздать должное моей матери, он написал собственный некролог, который следовало опубликовать после его смерти. Альдо Гуччи, писал он, оставил на этом свете свою жену, Бруну Паломбо, и свою *спутницу*, Олвен Прайс. Некоторые итальянские газеты честно напечатали некролог с указанными отличиями между двумя женщинами, как и задумал мой отец.

Однако «Нью-Йорк таймс» воздержалась от подобной публикации. В появившемся через два дня после его смерти некрологе приводились слова президента Джона Кеннеди, который назвал его «первым итальянским послом моды». Некролог заканчивался фразой: «После кончины мистера Гуччи остались его жена, в девичестве Олвен Прайс, и три сына — Роберто, Джорджо и Паоло».

Никакого упоминания ни о моей матери, ни обо мне.

Это было вопиюще, но вероятно, текст был отредактирован другой стороной его семьи, и мы были бессильны что-либо изменить. Не могли мы противодействовать и другим нежелательным публикациям, появившимся после смерти отца. Де-юре я еще долгое время была обязана оставаться невидимкой и хранить обет молчания.

Вплоть до нынешнего дня.

Прошло двадцать пять лет — и вот она, непридуманная история о моих родителях и созданной моим отцом всемирной империи, которая в конечном счете предопределила жизни каждого из нас.

Теперь я имею право рассказать ее.

ГЛАВА 1

Годы, прожитые после смерти моего отца, нелегко дались нам с матерью. Наши отношения и так никогда не были простыми. Каждую из нас снедали собственные проблемы, а его отсутствие лишь усугубило их.

Лишившись мужчины, ставшего для нее отцом, другом, мужем и сыном в одном лице, мать погрузилась в скорбь и чувство страха. Без той силы, которая прежде двигала нас вперед, она плыла, подобно кораблю без руля и без ветрил. Всякий раз, когда мне хотелось утешить ее, она меня отталкивала, а потом у меня просто не оставалось времени, чтобы предпринимать новые попытки. Мой брак трещал по швам, а на руках был новорожденный ребенок, и именно мне пришлось заниматься юридическими вопросами по поводу отцовской недвижимости. Скорбеть было некогда. Глядя на свою мать, я ощущала полное бессилие от собственной неспособности поддержать ее в тот момент, когда она была не в себе от горя и не в состоянии примириться с утратой.

В итоге ее отрешенность привела к тому, что мы перестали общаться в то время, когда я больше всего нуждалась в ней. Следующие несколько лет мы почти не поддерживали связь. Когда мне перевалило за сорок, за моими плечами были два неудачных брака и психологическое бремя ответ-

ственности перед моими тремя дочерьми. По непонятным мне самой причинам я привлекала не самых подходящих мужчин — и в результате безмерно страдала. Настоящее чувство — такая любовь, какая была у моих родителей на протяжении их долгих и непростых отношений, — от меня ускользало.

К счастью, у меня были замечательные друзья, но их поддержка могла облегчить мою жизнь лишь в ограниченных пределах. Мне помогали молитва и медитация, а также осознание того, что мои жизненные неудачи отчасти объясняются оторванностью от корней. Я никогда не виделась со своими бабушками и дедушками и была едва знакома с братьями.

Даже отца я по-настоящему узнала только в конце его жизни, а мать и вовсе оставалась для меня тайной за семью печатями.

Чем больше я стремилась понять собственную душу, тем отчетливее начинала понимать, что мои неверные решения, похоже, проистекали из неблагополучного детства и искаженных семейных отношений. Чтобы жить дальше, мне необходимо было вернуться назад, к своим корням, и примириться со своим прошлым.

В конце концов мне пришло в голову, что, возможно, будет полезно написать об отце книгу. Я хотела воссоздать хронику нашей совместной жизни именно так, как мы ее ощущали, — как летопись моей семьи. И надеялась оставить своим детям честную историю о нас, не имеющую никакого отношения к сенсации, которую из нее делают. Самое главное, я верила: отец достоин памяти не только за свой вклад в становление компании GUCCI, но и как предприниматель, принесший лейблу «Сделано в Италии» мировую славу.

Чего я совсем не ожидала, так это того, что мои изыскания снова сведут меня с матерью. После многих лет отчуждения я, наконец, приблизилась к пониманию тех уникальных отношений, которые связывали их с отцом, и смогла оценить их.

Мое прозрение началось в 2009 году, когда я навестила ее в Риме. На протяжении полугода траура мы общались по телефону дважды в неделю. Когда траур был окончен, я приехала поговорить. Я надеялась, что ее рассказ о собственном долгом пути самопознания поможет мне. Я поделилась своими переживаниями за время нашей разлуки и поведала о своих поездках и духовной практике. Она поняла, что я все еще пытаюсь обрести себя.

— Я встречалась со многими интересными людьми. Среди них были те, кто помог мне осознать, как много пробелов в моих детских воспоминаниях, — сказала я матери, мягко подводя ее к теме. — На самом деле, это одна большая черная дыра. Признаю, что сама никогда тебя не расспрашивала, но я так мало знаю о тебе и папе и о вашей жизни, когда вы были молоды, и мне захотелось узнать больше.

Всем своим видом мать недвусмысленно показывала мне, что она предпочла бы не говорить на эту тему. Всякий раз, когда я делала подобные попытки в прошлом, она отталкивала меня, заявляя, что не помнит или — более красноречиво — не хочет вспоминать. Ее привычка держать все в себе, ничего не комментировать, а меня оставлять в неведении стала нормой ее жизни, поэтому я опасалась, что и на этот раз все повторится.

И действительно, бросив на меня взгляд искоса, она пожала плечами и спросила:

— Какой в этом прок теперь, после стольких лет?

— Ну, я думала, что, возможно, откровенность и тебе пойдет на пользу, — ответила я. — Ведь тебе всегда казалось, что тебя не понимают.

Мать с минуту молча глядела на меня. А затем она резко поднялась и ушла в спальню. «Должно быть, я зашла слишком далеко и разговора не получится», — мелькнуло в моей голове. Но что-то из сказанного мной в тот день тронуло ее, потому что она вернулась, держа в руках кожаную сумку с логотипом GUCCI. Протянув ее мне, она сказала:

— Твой отец написал мне много писем. Я их сохранила. Вот, возьми их.

Вплоть до этого момента я даже не представляла, что когда-то папа писал моей матери письма. Он жил в собственном ритме, напоминавшем бешеный галоп, и у меня в голове не укладывалось, как и когда он находил время, чтобы писать ей так много *lettere d'amore* [любовных писем. — Пер.].

Мне хватило ума придержать язык. Я расстегнула «молнию» на сумке и вытащила пачку писем. Одна их часть была написана на голубой бумаге авиапочты, другая — на гостиничных фирменных бланках, третья — напечатана или написана от руки характерным отцовским почерком; все они были на итальянском. Драгоценный архив времен его ухаживаний между 1958 и 1961 годами также содержал телеграммы из-за границы. Почему она хранила все это на протяжении более полувека?

Пока я торопливо перебирала письма, мой взгляд зацепил фразу: «Сокровище мое, любовь моя, не покидай меня! Не разрушай лучшую часть моей жизни... не отталкивай меня; это чувство — не просто безрассудная страсть, но огромная и безграничная любовь».

Я с трудом верила собственным глазам. Мать с минуту наблюдала за

«Сокровище мое, любовь моя, не покидай меня! Не разрушай лучшую часть моей жизни... не отталкивай меня; это чувство — не просто безрассудная страсть, но огромная и безграничная любовь».

мною, пока я просматривала страницы, а потом встала, чтобы приготовить чай.

— Это прекрасные письма, — тихо проговорила она, стоя уже на пороге комнаты. — Твой отец замечательно подбирал слова. Это была одна из первых черт, которая привлекла меня.

— Ты считаешь их вместе со мной? — спросила я, но она подняла руку в знак протеста и отрицательно покачала головой.

— Не могу. Я помню, какие чувства они вызывали во мне тогда, много лет назад. Мне этого достаточно.

Мои глаза налились слезами, и я поняла: только что мать передала мне бесценное наследие. Через два десятилетия после его смерти она приоткрыла для меня окно, позволяющее заглянуть в их тайную совместную жизнь и впервые прикоснуться к тому, что очень долго оставалось для меня загадкой.

— Но это же что-то невероятное, мама! — воскликнула я.

— Да, — согласилась она. — Это была своего рода *fiaba* [волшебная сказка. — *Пер.*] — но не из тех, у которых непременно бывает счастливый конец.

Ее подарок ознаменовал начало моих поисков. Я нацелилась сложить головоломку жизни моих родителей, а в конечном счете — и моей собственной. Слова отца породили тысячу вопросов, на многие из которых мать соглашалась отвечать на протяжении последующих нескольких лет. Вдохновленная, я отправилась в увлекательное путешествие во времени, к моим флорентийским и римским корням. Начатое мной исследование было познавательным во многих отношениях.

Сколько же всего написали о «саге» дома GUCCI! Слишком пристальное внимание уделялось опале моего отца и непростым семейным отношениям, которые вылились в скандалы, разводы и даже убийство. И так мало было сказано

о том, каким великим человеком он был или как горячо любил мою мать!

Благодаря силе его слов я узнала его как страстного и чувственного мужчину. Это резко контрастировало с закрепившейся за ним репутацией безжалостного главы модного дома, который правил железной рукой. Важнее всего было то, что я совершенно по-новому увидела нетривиальную историю любви моих родителей в золотую эпоху *la dolce vita* [сладкая жизнь. — Пер.]. После моего не слишком складного детства это откровение принесло мне глубинное прозрение. Мне представилась возможность оценить не только испытания и несчастья, постигшие моего отца, но и те жертвы, которые принесла в юности моя мать, чтобы стать возлюбленной и пожизненной спутницей невоспетого героя современной Италии.

Мое паломничество к истокам растопило лед, и мать наконец смогла решиться на откровенность и показать мне совершенно незнакомого Альдо Гуччи — отдельные проблески его истинного облика мне довелось лично наблюдать лишь в конце его жизни.

— У него была и другая сторона, — настойчиво повторяла она. — Та сторона, какую знала только я. Это и был настоящий Альдо.

И, раскрывая эту сторону для меня, она позволила мне впервые посмотреть на отца ее глазами.

ГЛАВА 2

НЕСМОТря НА ИТАЛЬЯНСКИЕ КОРНИ, я выросла в Англии и считала себя скорее британкой. Мне всегда казался весьма показательным факт, что история дома GUCCI более века назад началась именно в Лондоне.

Мой дед по отцовской линии был крещен под именем Гуччо Джованбаттиста Джачинто Дарио Мария Гуччи. Уверена, это имя было слишком громоздким для обращения, когда в 1897 году он поступил на работу в отель «Савой» с видом на Темзу. Этот гибкий подросток из Тосканы, выросший в маленьком городке в сорока километрах западнее Флоренции, в шестнадцать лет сбежал из дома на поиски счастья. Добравшись до побережья, он сел на пароход и отрабатывал свой проезд, кидая в топку уголь. Мастерская по изготовлению соломенных шляп, принадлежавшая его дяде, на которого работал отец паренька, находилась в бедственном положении и вскоре ушла с молотка, оставив семейство с пустыми руками.

Гуччо готов был взяться за любую работу, чтобы помочь родным. Наверняка ему доводилось слышать легенды о состояниях, сделанных в Британии конца XIX века, где правила королева Виктория. То были годы, известные как «веселые» или «беспутные девяностые» — период фривольности, показного шика и богатства, которыми в особенности кичились

высшие слои общества. Стали популярны гранд-туры по Европе, маршрут которых брал свое начало в Лондоне. Чтобы пуститься в роскошное путешествие по континенту, богатые американцы и жители колоний, которым жгли карманы миллионы, заработанные на добыче алмазов, строительстве железных дорог, в промышленности или на золотых приисках, начали стекаться в Лондон.

Дед умер за десять лет до моего рождения, поэтому я никак не могла спросить его, кто посоветовал ему поискать работу в самом роскошном отеле британской столицы. Из архивов отеля «Савой» следует, что среди обслуживающего персонала было несколько итальянцев и юноши с кожей цвета оливок и лицами херувимов были востребованы в качестве мальчиков на побегушках. Накрахмаленные белые перчатки, щегольские кепи и изящные ливреи — их вид услаждал взор сливок общества, которые оказались падкими на новую моду: останавливаться в отелях, предлагавших безупречный сервис, включая электричество, а также горячую и холодную воду в смежных ваннах комнатах. Заказывать номера в отеле было выгоднее, чем содержать продуваемые сквозняками и освещаемые газом частные городские дома, в которых и в помине не было подобной роскоши. В отеле имелись даже лифты, снабженные регуляторами с двумя скоростями подъема, дабы у чувствительных дам не случился обморок.

В 1890-е годы в соответствии с этикетом швейцары помогали гостям высадиться из конных экипажей и сопровождали их к стойке администратора на первом этаже. Лакеи прибывших гостей оставались во внутреннем двореке и следили за тем, чтобы коридорные не перепутали чемоданы постояльцев. Эти красивые, ручной работы сумки и чемоданы, часто украшенные монограммами и фамильными гербами, изготавливала горстка европейских производителей кожаных изделий, среди которых самыми знаменитыми были, пожалуй, Louis Vuitton в Париже, *H. J. Cave & Sons* в Лондоне и *Asprey*